Утром Хань Чэнке вышел всего на двадцать миль по официальной дороге и теперь сидел в тени дерева, чтобы остыть.

Как бусины пота соскользнули в пучках, Хан Чэнке облизал свои потрескавшиеся губы и вытащил капсулу с водой, чтобы выпить маленький глоток.

Он смотрел вверх на солнце над головой, вычисляя следующую поездку, слушая своего старого друга, есть много почтовых станций и деревень на пути, страдая наверняка, но вся борода и хвост в Нанкин еще не проблема.

Хань Чэнке прислонился к стволу дерева, чтобы послушать щебетание насекомых и птиц, размышляя о деталях жалобы в Нанкин, думая об этом, и улетел спать.

Восемь быстрых лошадей скакали, как порыв ветра с официальной дороги, их копыта взбудоражили облако пыли и тумана.

Хань Чэнке, который крепко спал, медленно открыл глаза, услышав звук копыт лошадей, и сделал глоток воды из своего мешка с водой, намереваясь продолжить свой путь после того, как лошади прошли мимо.

Когда свирепые лошади достигли его, лидер команды закричал смирно: "Стоять!"

Первое, что я заметил, это то, что в городе много людей, и я не был уверен, являюсь ли я государственным чиновником или нет.

Сонг Шанцян, одетый в парчовый халат, уставился на Хань Чэнке и поднял руку: "Посмотрим, не он ли это".

Мужчина, одетый как член семьи, вытащил из груди портрет и внимательно рассмотрел его, после чего несколько человек обменялись взглядами друг с другом.

Получив подтверждение, Сонг Шанцян держал в руках посевной и снисходительно спрашивал: "Как тебя зовут?".

Хань Чэнке ничего не сказал, неся свою ношу и поворачиваясь к отъезду, и толпа собралась на их высоких лошадях.

Один из членов семьи злобно сказал: "Наш сын задает тебе вопрос, так что отвечай честно, но не будь неблагодарным!".

Хотя Хань Чэнке был очень горд, он также знал, что хороший человек не будет страдать на глазах, и он не хотел причинять никаких неприятностей, даже несмотря на то, что он, очевидно, в невыгодном положении.

Хан Чэнке изогнул руку и сказал: "Меня зовут Хан Чэнке, интересно, что вы все хотите сказать? Если мне больше некуда бежать, простите."

Найдя свою цель, Сонг Шан Тян засмеялся: "Бедный переписчик осмеливается так разговаривать с этим господином, даже если он родился с ничтожной жизнью, он все равно притворяется, что ведет себя как мировой лидер".

Песня Shangtian действительно была достойна гордости, так как он был настолько бык, что

он даже не знал, что он приказал своим людям избить нынешнего императора и императрицу.

Если бы он знал об этом, то мог бы иронично хвастаться этим всю оставшуюся жизнь!

Хань Чэнке знал, чтобы не открывать рот, было очевидно, что этот человек сознательно ищет неприятности, он должен быть осторожен, Найи является благословением, а не проклятие не может избежать.

"Не разговаривать"? Ты действительно дешёвая кость, мне сегодня нехорошо, так что вини во всём свою плохую жизнь!"

Перед голосом несколько членов семьи скатились с седла, взялись за рукава, чтобы заставить его затянуться, Хан Чэнке тоже хотел что-то сказать, но был сбит старым кулаком.

Ученый был уже относительно слабым, плюс Хань Чэнке был очень тонким, этот удар ударил его чуть не упал в обморок, в конце концов, после отставки закрыл глаза.

Не знаю, сколько времени это заняло, удары и пинки наконец прекратились, а Хан Чэнке уже был весь в крови.

"Посмотрим, что у него в багаже".

Song Shangtian поднял свой урожай верховой езды, на этот раз он пришел, чтобы остановить этого парня от входа в столицу, чтобы подать в суд на императорский двор, и, если необходимо, заставить его убить его в середине ниоткуда.

Когда он услышал слово "багаж", Хань Чэнке подсознательно плотно охранял его на руках.

Его действия безо всяких подозрений были обменяны на еще более жестокое избиение.....

"Кхм..."

Song Shangtian потрясла багаж, однако не нашла то, что он хотел внутри, он помахал рукой, и ядовитое избиение немедленно прекратилось.

Хань Чэнке яростно кашлял, выплевывая кровь и несколько белых зубов большими глотками, рыбный сладкий вкус заполнял рот и горло.

Он вытер пятна крови на верхушке глаз, боролся, чтобы ползти вверх, встал на колени на земле, и признался: "Этот господин, как бы я ни виноват, вы, взрослые, не помните недостатки злодея, и, пожалуйста, отпустите меня, пожалуйста, верните мне бремя, малыш, пока!"

Хань Чэнке закончил приклеивать голову к земле, гудки крови распространялись с земли.

Но это не вызвало никакого сочувствия в ответ, Сонг Шанцзянь засмеялся и сказал: "Этот стук в голову достаточно громкий, кровь идет! Как ученый может иметь гордость разума, которую он должен иметь, я возьму багаж, возьму его в качестве вашей компенсации, давайте оставим это позади, поехали"!

Хань Чэнке бросился вперед и обнял ногу Сонг Шанцзяня: "Гонгши, пожалуйста, избавь меня от этого бремени, это то, что спасло мне жизнь, пожалуйста, подними руку и отпусти меня!".

Song Shangtian пнул Han Chengke к земле, наклонился немного и сказал: "Моя фамилия

Song, я зависал у реки Qinhuai в Нанкине, вы знали это?"

"Я не знаю..." Хан Чэнке необъяснимо покачал головой.

"Страшно не видеть!"

Сонг Шанцян смеялся и проклял, и спустился вниз лично, чтобы пнуть и жестоко избить его несколько раз, прежде чем он взял несколько своих людей и уплыл.

Хань Чэнке закрыл глаза от боли, его тело свернулось на земле, слегка дрожа, слезы смешались с кровью, течет по всему лицу, и сильная боль распространилась по всему телу.

Он чувствовал себя так, как будто разваливается на части, но ни одна из этих болей не могла сравниться с болью в сердце.

Время проходило минуту за минутой, заходящее солнце садилось, обнажались остатки луны, мартовский вечер был холодным, а северный ветер в поле дул ровно.

Хань Чэнке был взволнован, медленно поддерживая себя с земли, каждый шаг был трудным, но его глаза были настолько яркими и полными решимости.

Как бы ни была глубока чья-то ненависть, он был настолько настойчив, насколько мог.

В городе Кайфэн губернатор Вэй Шэндзин дразнил птицу в клетке и спросил: "Есть новости со стороны прозванного Хана?".

Официальный Лю Икоу встал на обочину и сказал низким голосом: "Отчитываясь перед вашей светлостью, прошло более десяти дней, и те немногие, кого послали, не нашли фигуру Хань Чэнке снова, так что я думаю, что он уже стал мертвой костью на обочине дороги".

Губернатор покачал головой и вздохнул: "Жаль... он мог бы жить хорошо, но пришлось искать собственную смерть, трудно не подчиниться судьбе небесной".

Месяц спустя у городских ворот появился несчастный человек, который собирался войти в город Нанкин.

Его одежда была разорвана и покрыта грязью и пятнами черной и красной крови, лицо было синим и фиолетовым и опухшим, как свиная голова, и он вообще не мог видеть свое оригинальное лицо, так как шаг за шагом двигался к городским воротам.

В это время левая рука Хань Чэнке сжимала кусок коры дерева, на котором были зазубрены кровавые следы зубов.

От префектуры Кайфэн до города Нанкин, который изначально формировался пешком всего десять дней, Хань Чэнке шел пешком почти месяц.

За это время он не осмелился снова отправиться в официальную дорогу, и мог только ходить по пустыне рядом с официальной дорогой, он также не осмелился идти на почту, опасаясь, что эти собаки чиновники устроили подкрепление, чтобы покончить с собой.

В этом месяце он проголодался, чтобы съесть немного корней, чтобы съесть немного коры, повезло, что он собрал диких уток, фазанов и другие яйца диких птиц, жаждал пить воду в канаве, холодный, чтобы сократиться в полынь.

В течение периода, проходящего одно село за другим, жители села, посмотрев на его страшную внешность, боялись наклониться вперед, говорили о нем.

Я не знаю, через что этот человек прошел, чтобы иметь возможность бродить снаружи, как призрак.

Иногда голод Хань Чэнке действительно не может, к деревням по дороге попрошайничать, толстая голова опухла лицо и никаких передних зубов его трудно сказать, он встал на колени у входа в деревню коутау, полностью отказался от достоинства тогдашнего подъемника.

Некоторые простые сельские жители действительно не могут вынести, чтобы увидеть его внешний вид, приготовить воду и печенье.

Таким образом, Хан Чэнке шаг за шагом шел в город Нанкин.

Он находился в нескольких десятках метров от города Нанкин, но Хан Чэнке шел полные пятнадцать минут, прежде чем добраться до городских ворот.

Городская охрана Йин Тяньфу заперла брови и остановила его: "Приходите, регистрируйтесь и входите в приемную больницу!".

Хань Чэнке не паниковал, он уже знал правила на этой стороне дороги через дом Фэньяна, и был еще более удивлен, узнав, что суд уже отменил систему дорожного движения!

Чем больше он думал об этом, тем злее становился, его старая мать умерла напрасно! Я подам на тебя в суд до конца!

Хан Чэнке дрогнул и вытащил его из штанов, передав мятый кусок соломенной бумаги, на котором еще осталась кровь.

Когда у него был шанс вытащить это из штанов, городская пешка колебалась, ну это не так уж и много пахло, но в конце концов он открыл его с любопытством.

Только на верхней части бумаги было не незначительное пятно крови, тенистое и мокрое с двумя поразительными символами: "Да Цин".

Хань Чэнке дрогнул и извлек черновик из рук городской пешки, продолжая двигаться в сторону города.

Лицо городской стражи затянулось, и он вздохнул в своем сердце. Прожив десятилетия, он впервые увидел, как кто-то привез Да Гуй в столицу, чтобы пожаловаться, и испугался, что вот-вот произойдет что-то грандиозное!

http://tl.rulate.ru/book/41393/1075243